

 ORIENTALIA
ET CLASSICA

National Research University
HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
INSTITUTE FOR ORIENTAL AND CLASSICAL STUDIES

 ORIENTALIA
ET CLASSICA
X (LXXXI)

Pindar

PYTHIAN ODES

Translated by Grigory G. Starikovsky

WITH PARALLEL GREEK TEXT

Introductory articles and commentary by
Olga L. Akhunova, Varvara Yu. Zharkaya
Vera G. Mostovaya, Andrey Yu. Mozhajsky,
Grigory G. Starikovsky, Sergey A. Stepantsov

Higher School of Economics
Publishing House
MOSCOW 2025

Национальный исследовательский университет
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
ИНСТИТУТ КЛАССИЧЕСКОГО ВОСТОКА И АНТИЧНОСТИ

 ORIENTALIA
ET CLASSICA
X (LXXXI)

Пиндар

ПИФИЙСКИЕ ОДЫ

Перевод Г.Г. Стариковского

С ПАРАЛЛЕЛЬНЫМ ГРЕЧЕСКИМ ТЕКСТОМ

Исследования и комментарии

О.Л. Ахуновой, В.Ю. Жаркой,

А.Ю. Можайского, В.Г. Мостовой,

Г.Г. Стариковского, С.А. Степанцова

Издательский дом
Высшей школы экономики
МОСКВА 2025

Orientalia et Classica
X (LXXXI)

Серия основана в 2001 г. С 2020 г. издается НИУ ВШЭ

Главный редактор серии — *И.С. Смирнов*

Редакционная коллегия серии:

Д.В. Волков (ИКВИА НИУ ВШЭ), *А.Н. Мецераков* (ИКВИА НИУ ВШЭ),
А.Г. Сторожук (Востфак СПбГУ), *Н.В. Козлова* (Государственный Эрмитаж),
А.И. Иванчик (ИКВИА НИУ ВШЭ / Univ. of Bordeaux, France),
М.А. Алонцев, ответственный секретарь (ИКВИА НИУ ВШЭ),
И.С. Архипов (ИКВИА НИУ ВШЭ), *И.С. Смирнов*, председатель (ИКВИА НИУ ВШЭ),
Л.Е. Коган (ИКВИА НИУ ВШЭ)

Рецензенты:

д.ф.н., проф., член-корр. РАН *Н.П. Гринцер*,
к.ф.н., доц. *Е.Л. Ермолаева*

Перевод *Г.Г. Стариковского*

Пиндар. Пифийские оды [Текст] / пер. Г. Г. Стариковского; П32 с параллельным греч. текстом ; исслед. и коммент. О. Л. Ахуновой, В. Ю. Жаркой, А. Ю. Можайского, В. Г. Мостовой, Г. Г. Стариковского, С. А. Степанцова ; под общ. ред. О. Л. Ахуновой, С. А. Степанцова ; под науч. ред. Л. В. Луховицкого ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. — (Orientalia et Classica. X (LXXXI) / гл. ред. И. С. Смирнов). — 576 с. — 500 экз. — ISBN 978-5-7598-2960-7 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-4200-2 (e-book).

Пифийские оды Пиндара, древнегреческого поэта V в. до н.э., адресованы победителям общегреческих Пифийских игр, проводившихся в святилище Аполлона в Дельфах. Книга включает новый перевод Пифийских од с параллельным греческим текстом, подробный комментарий, дополненный указателем собственных имен и этнонимов, а также исследования и вспомогательные материалы, помогающие сориентироваться в особенностях поэтики Пиндара, предопределивших трудности перевода его текстов, разобраться в сакральной топографии од, в их диалектной и метрической специфике.

Книга предназначена как для специалистов в области классической филологии и античной культуры, так и для широкого круга читателей, интересующихся древнегреческой поэзией.

УДК 821.14
ББК 85.3(0)321

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-2960-7

ISBN 978-5-7598-2960-7 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-4200-2 (e-book)

© Ахунова О.Л., Жаркая В.Ю.,
Можайский А.Ю., Мостовая В.Г.,
Стариковский Г.Г., Степанцов С.А., 2025

Содержание

От редакторов.....	7
<i>Г.Г. Стариковский. Золотая форминга:</i> Пифийские оды Пиндара	9
<i>А.Ю. Можайский. Сакральная топография</i> в Пифийских одах	26
<i>С.А. Степанцов. Диалектные особенности од:</i> фонетика и морфология	46
<i>С.А. Степанцов. Метры Пифийских од</i>	51

ПИНДАР. ПИФИЙСКИЕ ОДЫ С параллельным греческим текстом

Ода первая.....	68
Ода вторая.....	78
Ода третья	86
Ода четвертая	96
Ода пятая	120
Ода шестая	128
Ода седьмая	132
Ода восьмая	134
Ода девятая.....	142
Ода десятая.....	152
Ода одиннадцатая.....	158
Ода двенадцатая.....	164

КОММЕНТАРИИ

Ода I (С.А. Степанцов)	171
Ода II (О.Л. Ахунова).....	199
Ода III (В.Г. Мостовая)	248
Ода IV (С.А. Степанцов)	270
Ода V (О.Л. Ахунова, с дополнениями А.Ю. Можайского)....	323
Ода VI (С.А. Степанцов)	359
Ода VII (В.Г. Мостовая)	370
Ода VIII (В.Ю. Жаркая, Г.Г. Стариковский).....	379
Ода IX (О.Л. Ахунова, В.Ю. Жаркая, В.Г. Мостовая, Г.Г. Стариковский, С.А. Степанцов).....	409
Ода X (В.Ю. Жаркая).....	443
Ода XI (О.Л. Ахунова, с дополнениями А.Ю. Можайского)....	459
Ода XII (С.А. Степанцов)	505
Сокращения	522
Литература	525
Указатель имен собственных и этнонимов	554
Об авторах.....	570
Summary	572
Contents.....	574

От редакторов

Замысел этой книги возник осенью 2019 г., когда мы познакомились с поэтом и переводчиком Григорием Стариковским, чей интерес к поэзии Пиндара совпал с объективно назревшей необходимостью в новых русских переводах знаменитых пиндаровских од: с момента выхода последнего полного перевода Пиндара, выполненного М.Л. Гаспаровым, прошло больше 30 лет, и настало время посмотреть на поэзию одного из самых знаменитых поэтов классической Греции новыми глазами. Это и удалось сделать Г.Г. Стариковскому. Но даже самый изощренный перевод не может дать современному читателю полного представления о поэзии Пиндара, которая славится своей загадочностью и сложностью, и поэтому мы задумали снабдить русский перевод подробными комментариями и параллельным греческим оригиналом, а также статьями, призванными помочь читателю сориентироваться в особенностях поэтики Пиндара, предупредивших трудности перевода его текстов, разобраться в сакральной топографии од, в их диалектной и метрической специфике.

Важнейшей частью работы над проектом были еженедельные научные семинары, где участники проекта обсуждали нюансы перевода и детали комментария. Комментаторы пользовались известной свободой в работе со «своими» текстами, поэтому комментарии к разным одам могут различаться как стилистически, так и мерой детализации.

Трудоемкую и в высшей степени необходимую работу по нумерации стихотворных строк и составлению Указателя имен собственных и этнонимов выполнили студенты-бакалавры образовательной программы «Античность» ИКВИА (выпуск 2023 и 2024 годов) Александра Кибатова, Тамила Омарова, Александра Попова, Полина Мормышева, Анна Молина, Михаил Гук, Сергей Шестинцев, Арсен Алламурагов и Мгер Саруханян.

Неоценимый вклад в работу авторского коллектива, существенно превышающий собственно редакторские обязанности,

внес научный редактор книги, наш коллега по ИКВИА Лев Всеволодович Луховицкий.

Наша глубокая благодарность — научному руководителю ИКВИА и главному редактору серии *Orientalia et Classica* Илье Сергеевичу Смирнову за поддержку и деятельную помощь на всех этапах подготовки книги.

На начальном этапе замысел нового подробно комментированного перевода Пифийских од Пиндара был поддержан научной комиссией факультета гуманитарных наук (2020–2022 гг.), что весьма помогло успешной работе исследовательского коллектива.

О.Л. Ахунова
С.А. Степанцов

Золотая форминга: Пифийские оды Пиндара

Г.Г. Стариковский

1.

Пиндар родился в 518 (или в 522) г. до н.э. в Киноскефалах неподалеку от Фив и умер в 436 г. до н.э. в Аргосе¹. Самая ранняя из датируемых од Пиндара на атлетическую победу, *Pyth.* 10², относится к 498 г., а самую позднюю, *Pyth.* 8, датируют 446 г. На полвека творчества Пиндара приходятся важнейшие исторические, политические и культурные события в жизни Греции: греко-персидские войны (490, 480–479), в которых родные Пиндару Фивы встали на сторону Персии (Полибий сообщает, что Пиндар был единоклубен с фиванцами в их нежелании воевать с персами: Plb. 4.31.5 = fr. 109³); усиление военной и политической мощи Афин после побед над персами; победы рода Диноменидов, к которому принадлежал сиракузский диктатор Гиерон (адресат *Pyth.* 1–3), над карфагенянами и этрусками (*Pyth.* 1.71–1.73 и коммент.). Пиндар — младший современник Гераклита (ок. 544 — ок. 483) и Парменида (ок. 540 — ок. 470). При жизни поэта в греческих полисах начинают преподавать первые софисты, а в Афинах формируется трагедия:

¹ Далее в статьях и комментариях к одам обозначение «до н.э.» опускается при датах, относящихся к истории Древней Греции.

² Здесь и далее оды Пиндара обозначены сокращенно: Пифийские — *Pyth.*, Олимпийские — *Ol.*, Немейские — *Nem.*, Истмийские — *Isthm.* Имена прочих античных авторов и названия их произведений даются в сокращениях, принятых в словаре [A Greek-English Lexicon, 1996] (далее — LSJ). Если используется иное издание, указывается фамилия издателя и/или сокращенное название книжной серии, но полное библиографическое описание не приводится.

³ Фрагменты Пиндара приводятся по изданию: [Maehler, Snell, 1975].

к моменту появления *Pyth.* 8 (446) уже умер Эсхил (525–456), в афинском театре ставятся драмы Софокла (496/5–406) и Еврипида (между 485 и 480–406).

Пифийские оды чествуют победителей на общегреческих Пифийских играх, проводившихся в августе–сентябре возле подножия горы Парнас, в Дельфийской долине. Считалось, что основание Пифийских игр связано с победой Аполлона над змеем Пифоном [Lieberman, 2004, p. 9]. По свидетельству Павсания, в Дельфах Пиндар пользовался особым почетом: Павсанию показывали железное «сиденье Пиндара», на котором восседал поэт, «когда он приходил в Дельфы и пел те свои гимны, которые написаны в честь Аполлона» (*Paus.* 10.24.5, здесь и далее пер. С.П. Кондратьева). В Дельфах Пиндар получал приношения, равные доле Аполлона (*Paus.* 9.23.3). Исследователи спорят о датировке первых Пифийских игр: первые состязания проводились в Дельфах в 586 г., а четырьмя годами позже, в 582 г., победителей игр впервые наградили лавровыми венками, поэтому большая часть исследователей считает датой первых Пифийских игр 582 г. [Currie, 2005, p. 26; Lieberman, 2004, p. 9], однако Павсаний предпочитает первую дату: «Начиная со второй Пифиады они стали вызывать на состязания, но уже не назначая [денежных] наград, и вместо них они ввели обычай давать венки» (*Paus.* 10.7.4–10.5). Ветви лавра для победителей приносили из священной рощи Темпейской долины в северной Греции, между горами Осса и Олимп (см.: [Miller, 2004, p. 96], ср.: [Miller, 1978]). На Пифийских играх состязались не только атлеты, но и музыканты: *Pyth.* 12 прославляет победу в состязании авлетов.

Александрийский филолог Аристофан Византийский (257–180) собрал тексты Пиндара и разделил их по жанрам: гимны, пеаны, дифирамбы, просодии (песни во время шествий), парфении (девичьи песни), гипорхемы (танцевальные песни), энкомии (хвалебные песни), похоронные френы [Pfeiffer, 1968, p. 183–184; Stoneman, 2014, p. 57]. Дошедшие до нас эпиникии, хвалебные оды в честь победителей на общегреческих играх, были помещены в конце этого собрания сочинений. Эпиникии делятся на четыре книги по месту проведения общегреческих игр: Олимпийские (состязания основаны в 776 г.), Пифийские (состязания основаны в 582 г. или 586 г., см. выше), Немейские

(игры проводились на северо-востоке Пелопоннеса, основаны в 573 г.), Истмийские (игры основаны в 581 г.). Порядок расположения эпиникиев в каждой книге обусловлен видами состязаний: книги открываются одами, чествующими победителей в колесничных ристаниях, потом — в борьбе, панкратии или кулачном бою, затем — в беге или пятиборье (Немейская книга выстроена несколько иначе). Кроме четырех общегреческих игр, в своих эпиникиях Пиндар упоминает несколько десятков других, большей частью местных состязаний: в Фивах, Афинах, Мегаре, Аргосе и другие.

До сих пор ведутся споры о правомерности включения в сборники эпиникиев тех или иных стихотворений. К примеру, классификация *Pyth.* 2 как пифийского эпиникия (или вообще как эпиникия) оспаривалась уже схолиастами (см. подробнее вступление к коммент. к *Pyth.* 2). Возможно, что и *Pyth.* 3 — не эпиникий в строгом смысле этого слова, несмотря на упоминание колесничной победы в ст. 73–74: поводом для написания оды, скорее всего, является не победа на Пифийских играх (она то как раз и не была одержана), а болезнь Гиерона (см. вступление к *Pyth.* 3, а также [Currie, 2005, p. 344–345]; ср. также *Nem.* 9–11, которые явно не принадлежат к эпиникиям [Stoneman, 2014, p. 63]).

Адресаты Пиндара — представители знатных и влиятельных родов Эгины и Беотии, правители сицилийских полисов или властители Кирены на северном побережье Африки. Пиндара справедливо называют поэтом аристократии, ведь только люди состоятельные могли себе позволить нанять известного тренера, всецело посвящать себя подготовке к играм (на это нужен досуг), совершать далекие и часто сопряженные с риском путешествия в другой конец греческой ойкумены, да и оплатить сочинение эпиникиев могли только люди богатые. Судьбы заказчиков эпиникиев складывались по-разному и не всегда были безоблачными: Аркесилай Киренский, адресат *Pyth.* 4 и 5, был изгнан и убит; род сиракузских Диноменидов, к которому принадлежал Гиерон (*Pyth.* 1–3), был свергнут вскоре после его смерти [Fowler, 2022, p. 131; Hornblower, 2012, p. 94–95].

Термин «эпиникий» для жанрового обозначения победной оды придумали александрийские ученые. В четырех книгах

эпиникиев прилагательное ἐλνίκιος встречается всего два раза (*Ol.* 8.75; *Nem.* 4.78) и имеет, по мнению Стоунмана, чисто описательную функцию («относящийся к победе»), не обозначая жанр хвалебной оды как таковой [Stoneman, 2014, p. 59; Agócs, 2012, p. 195–196, 223]. Для жанровой маркировки эпиникиев Пиндар использует прилагательные ἐγκώμιος и ἐλικώμιος («хвалебный», «празднуемый»: ἐγκώμιον μέλος *Nem.* 1.7, ср.: *Ol.* 2.47; τὸν ἐγκώμιον ἀμφὶ τρόπον *Ol.* 10.77; ἐγκωμίων ἄστος ὕμνων *Pyth.* 10.53; ἐλικώμιος *Pyth.* 10.6; *Nem.* 6.32, 8.50; см.: [Agócs 2012]). Оба прилагательных происходят от слова κῶμος («торжественное шествие», «празднество»; ср.: *Pyth.* 3.73, 5.22, 5.100, 8.20, 8.70; *Isthm.* 8.4). Таким образом, в контексте эпиникиев «комос» синонимичен «празднеству в честь победителя» и «исполнению хвалебной оды» [Heath, 1988, p. 182–183], а Дж. Клэй увязывает чествование победителя с традиционными греческими симпозиями [Clay, 1999, p. 25–26]. Можно выделить три основных составляющих торжественного исполнения хвалебной оды: 1) слова, пропеваемые группой исполнителей или одним исполнителем [Agócs, 2012, p. 198; Morgan, 1993, p. 14]; 2) музыкальное сопровождение (ср. нач. *Pyth.* 1); 3) танец, исполнявшийся синхронно с пением (Там же). Важно отметить и то, что при исполнении эпиникия в голосе хора (или сольного исполнителя) часто угадывается голос самого поэта (подробнее об этом см.: *Pyth.* 5.77–5.81 и коммент.).

2.

Состязательное начало сопутствовало греческой культуре на всем протяжении ее существования. В «Илиаде» (*Il.* 23) Ахилл устраивает состязания — колесничные бега, единоборство, бег — в честь погибшего Патрокла. В «Одиссее» Лаодамант призывает Одиссея выказать свою атлетическую доблесть и говорит, что нет большей славы в жизни, чем та, которая выпадает победителю на спортивных состязаниях:

Выйди и ты, почтенный странник, посостязаться,
если научен чему-нибудь, ты кажешься сведущим
в состязаниях, ведь нет большей славы в жизни,
чем обретенная собственной мощью и скоростью...

(*Od.* 8.145–8.149)

Основателем жанра хвалебной оды считается поэт Симонид Кеосский (557–468). Первый из датированных эпипикиев создан Симонидом ок. 520 г. В сохранившихся фрагментарных текстах поэта присутствуют некоторые черты пиндаровского эпипикия: поэт упоминает имя победителя, его город и род, победу на играх, воспекает сноровку и красоту победителя [Rawles, 2012, р. 12–14; Stoneman, 2014, р. 66–67]. Уже в поэзии Симонида атлетическая победа становится «общегражданским торжеством», а прославление победителя — прославлением его города [Гаспаров, 1997а, с. 20].

По мысли Пиндара, для победы на общегреческих играх требуются: 1) природные данные; 2) соответствующая физическая подготовка, неустанное атлетическое усердие; и 3) благожелательность богов [Norwood, 1945, р. 49]. Врожденный атлетизм и победа на состязаниях не только покрывают славой атлета, но и повышают престиж его рода [Kurke, 2013b, р. 34]. Неслучайно почти в сорока случаях имя победившего атлета упоминается вместе с именами его родственников [Kurke, 2013b, р. 19; Burnett, 2008, р. 39]. Так, например, в *Pyth.* 8.35–8.38 поэт говорит победителю:

В единоборстве идущий по следу дядьев,
ты не опозорил ни Феогнета в Олимпии,
ни истмийский триумф Клитомаха, мощного телом,
но возвеличил род Мидилидов.

Однако природные дарования недостаточны для победы: атлет должен прилагать недюжинные усилия, чтобы стать первым; победе всегда предпослан тяжелый труд, упорные тренировки (ср.: *κάματος Pyth.* 5.27; *λόνος Pyth.* 8.73; *πονέω Pyth.* 9.93). Но и врожденный атлетизм вкупе с усиленной подготовкой не всегда приводят к победе; умению и настойчивости должна сопутствовать благожелательность богов, иначе — победить невозможно:

...божество оделяет:

одних подбросит вверх, других швырнет вниз.
Вступай в поединок расчетливо. Ты получил награду в Мегарах,
в Марафонском ущелье и покорил усилием тройной победы,
о Аристомен, игры в честь Геры, в твоей земле.

(*Pyth.* 8.76–8.80)

Победа становится подтверждением особых отношений между атлетом и богами: победитель «осенен божественной милостью» [Гаспаров, 1997b, с. 29], а поражение на играх ведет к бесславию:

Ты обрушился на четыре тела,
задумав недоброе; для них
не столь счастливое возвращение
решилось в Пифоне. Когда вернулись они
под материнский кров, сладкий смех не разнесся,
не вызвал радости: уязвленные неудачей,
жались они, недругов сторонясь, по закоулкам.

(*Pyth.* 8.81–8.87)

Неслучайно атлеты сопоставляются с теми героями мифов, которые пользуются особым расположением богов, — с Гераклом, Персеем, Ясоном и другими [Stoneman, 2014, p. 30]. Но победа сама по себе — лишь первый шаг к достижению общегреческой славы: об этой победе должен заявить поэт; эпиникий становится чем-то вроде рупора, разносящего славу победителя по городам и весям Эллады [Barrett, 2007, p. 56].

3.

Уже в античности жизнь Пиндара обрастает легендами. По сообщению Павсания, инициация поэта произошла в юности, когда геликонские пчелы облепили губы спящего Пиндара пчелиным воском (Paus. 9.23.2–9.23.3). Боги особо благоволили к Пиндару: написанный им пеан исполнял Пан [Drachmann, 1903, p. 2], а когда Пиндар был уже в преклонном возрасте, во сне к нему явилась Персефона и сказала, что он сочинит в ее честь песнопение, как только окажется в подземном царстве (Paus. 9.23.3). Между тем вскоре после смерти Пиндара его поэзия уже ассоциируется с некой совокупностью узнаваемых жанровых черт. В «Птицах» Аристофана появляется полубезумный поэт-попрошайка, одетый в лохмотья: он помпезен и велеречив, и в его словах угадываются жанровые признаки эпиникия, а также прямая отсылка к *Pyth.* 1.60–1.62, 1.88: «Отче, зиждитель Этны, Святой Гиерон Этнейский» (Ar. Av. 926–927, пер. С.К. Апта). Более того, изрекаемые им стихи прямо именуются «Пиндаровым словом» (Πινδαρείου ἔπος): «Ты же теперь

душу открой Пиндара слову» (Ar. Av. 938–939). Для Платона Пиндар — поэт, умеющий выразить расхожие в общем-то истины посредством причудливых и одновременно выразительных образов. Кефал в первой книге «Государства» (Pl. R. 1.331a) говорит Сократу: человек, не знающий за собой никаких несправедливых поступков, обладает, по слову Пиндара, «сладкой надеждой, кормилицей старости», которая «правит переменчивым помыслом смертных» (fr. 214). Для Кефала важно не то, что именно возвещает поэт (самоочевидная сентенция: «в старости праведный человек живет со спокойной совестью»), но то, какими средствами выражена его мысль (εἶ οὖν λέγει θαυμαστῶς ὡς σφόδρα — «Хорошо он это говорит, удивительно сильно», пер. А.Н. Егунова).

Пожалуй, самая узнаваемая черта эпиникиев — выразительный язык, о котором говорит платоновский Кефал. Образный ряд в эпиникиях почти всегда связан с широким спектром человеческих ощущений; метафоры Пиндара (а он в первую очередь — поэт метафоры [Steiner, 1986]) можно «увидеть» или «услышать», к ним можно «прикоснуться». К примеру, *Pyth.* 12, в которой излагается миф об изобретении Афиной искусства игры на авле, насыщена слуховыми и зрительными образами. Музыка рождается из вопля Горгон: Афина «выплетает» пагубный плач Горгон (ст. 7–8); плач «изливается» из девичьих ртов (ст. 10); напев должен подражать воплю, «что вышел из быстрых челюстей Эвриалы» (ст. 19–20), и т.д. Слушатель-читатель как будто становится свидетелем создания Афиной авлетической музыки (о слуховых и зрительных образах в этой оде см. также: [Akhunova, 2022, p. 710–711]).

Хоровой лирике Пиндара свойственна «постоянная патетическая взвинченность, настойчивое стремление объять необъятное» [Гаспаров, 1997b, с. 44]. Образы Пиндара сродни состязающимся атлетам — эпиникий всегда пребывает в движении: «его стихи имеют крылья, они — стрелы, корабли, быстро летящие копыта, стремительные колесницы, потоки воды. Его эпиникий — факел, сияющий для победителя и его города» [Fowler, 2022, p. 1]. Сращивание (наслоение) образов выходит за рамки логических построений, поэт предлагает слушателю-читателю мыслить ассоциациями; неслучайно у Пиндара «...связь между художественными образами возникает...

не по законам логики, а в силу интуитивного ощущения их близости или контраста» [Ярхо, 2001, с. 258]. Интуиция и ассоциативное мышление являются не только лирическим приемом, но и во многом определяют восприятие эпиникия: читателю не остается ничего другого, как взять на себя роль интерпретатора, текст останется «незаконченным» без дополнительного усилия со стороны читателя. Поясню эту мысль на примере отрывка из *Pyth.* 3, где смерть Коронида подается как моральный урок: она поплатилась жизнью за пренебрежение к любовным притязаниям Аполлона. Но мысль Пиндара простирается дальше: он обобщает опыт Коронида и говорит в целом о людях, которые «презирают ближнее» и «ищут дальнее»:

ни брачного не дождалась застолья,
ни ликования многозвучных гименеев
(об этом подруги-ровесницы незамужние
в песнях вечерних лепечут ласково),
но любила то, чего рядом нет, так бывает
со многими — есть люди, самые вздорные,
они презирают ближнее, ищут дальнее,
хотясь за тщетным в надежде несбыточной.

(*Pyth.* 3.16–3.23)

Обобщение ведет к смысловому расширению. Пиндар переходит к рассуждению о жизни человека вообще: тот, кто ищет призрачной цели, не только не найдет искомого, но и потеряет то, что у него есть, как Коронида «теряет» то, что предназначается ей, — брачный пир и застольные песни. Такое ассоциативное расширение — от истории Коронида к жизни каждого человека — помогает поэту связать миф о Корониде с каждым слушателем-читателем эпиникия, в том числе и с победителем, для которого написана ода. В этом отрывке Пиндар работает на контрасте: если несостоявшийся брачный пир передан с предельной ясностью при помощи слуховых образов («многозвучные гименеи», «ласковый лепет незамужних подруг»), то обобщение, как часто бывает в моральных сентенциях, насыщено абстракциями: «то, чего рядом нет», «ближнее», «дальнее», «тщетное», «несбыточная надежда». Подробнее об ассоциативных построениях Пиндара см.: [Fowler, 2022, p. 104; Payne, 2018, p. 269–271].

Почти в каждом эпиникии присутствует мифологическая врезка (единственное исключение среди Пифийских од — короткая *Pyth.* 7). Миф — это огромное зеркало, в котором атлет при желании может разглядеть самого себя: мифический герой «делится» с победителем долей божественного сияния, присутствие мифа как бы подсвечивает атлетический триумф [Norwood, 1945, p. 30; Stoneman, 2014, p. 30]. Например, в *Pyth.* 12 образ Афины, «сплетающей» музыку и знаменующей таким образом подвиг Персея, сопоставим с фигурой Мидаса, который одержал победу при помощи искусства, созданного Афиной, а сам поэт как будто сплетает песенный венец победителю, при этом текст эпиникии соотносится одновременно с мифом о создании авла и с авлетической победой Мидаса (см. вступление к *Pyth.* 12). Миф может служить и неким наставлением или предостережением победителю против спеси-гюбрис, как в истории Иксиона (*Pyth.* 2.28–2.29 и коммент.).

Мифологические вставки подаются Пиндаром как «мгновенные вспышки» [Гаспаров, 1997b, с. 37] или как «ряд картинок» [Norwood, 1945, p. 86]. При внимательном прочтении разрозненные элементы мифа, как фрагменты пазла, складываются в единое целое. Происходит это, в частности, за счет концентрического построения мифологических врезок: прерывистый нарратив часто возвращается к своей отправной точке. Так, например, в *Pyth.* 3.9–3.11 Коронида погибает от стрел Артемиды, затем Пиндар рассказывает о причинах ее гибели (ст. 12–31), а после снова говорит о смерти Корониды (ст. 31–35). Похожим образом устроен рассказ об Иксионе в *Pyth.* 2: в ст. 22–23 упоминается наказание Иксиона, затем речь идет о том, что послужило причиной божественного гнева, а в ст. 41 Пиндар говорит о «необорных оковах», тем самым возвращаясь к наказанию Иксиона. В *Pyth.* 6 слова о героической гибели Антилоха образляют рассказ о его подвиге (ст. 30 и 39).

Кажущаяся спонтанность хвалебной оды удивительным образом сочетается с ее внутренней связностью. Некоторые исследователи говорят о «фикции спонтанности» [Burnett, 2008, p. 23]: составляющие элементы оды — миф, восхваление победителя, его рода и города, гномические сентенции — перекликаются один с другим, складываются в одну общую картину. Так, например, обстоит дело в *Pyth.* 6. Ода воспевает победу Ксенократа

из сицилийского Акраганта в колесничных состязаниях, но обращена к его сыну Фрасибулу, и Пиндар на протяжении эпиникия постоянно возвращается к теме сыновней верности: в строфе 2 Фрасибул предстает как сын своего отца и представитель своего рода; в строфе 3 говорится о почитании Зевса «прежде всех богов» и о почитании родителей («и родителей, пока их делят дни, / не лишай такой чести»); в следующих двух строфах приводится миф о героической гибели Антилоха, спасшего жизнь своего отца ценой собственной смерти, и тут же, в конце строфы 5, с мифологическим Антилохом открыто сопоставляется Фрасибул как современный образец сыновнего благочестия.

Похожая переключка одних элементов оды с другими наблюдается и в *Pyth.* 1: она посвящена победе Гиерона, властителя Сиракуз. Здесь магистральная тема — верховная власть. В первой триаде, после обращения к форминге, поэт связывает звучание форминги с властью и мощью Зевса, победившего стоглавое чудовище Тифона. Позже — в третьей и четвертой триадах — говорится о ратных победах Гиерона и его братьев над варварами. В пятой триаде поэт напрямую обращается к Гиерону как к властителю и побуждает его «направлять свой народ кормилом правосудия» и «выковывать свой язык (или «свою речь») на наковальне истины». Музыкальная гармония, о которой говорится в начале эпиникия («Золотая форминга, достоянье согласное...» — *Pyth.* 1.1), становится отражением гармонии политической, и наоборот; другими словами, тема самовластия переплетается с темой гармонии. Танец и музыка, которые как бы упорядочивают победу, соотношены с гармонией божественной, созданной Зевсом, и гармонией политической, установленной Гиероном. Тифон ассоциируется с хаосом, а правление Зевса искореняет хаос и беззаконие. Подобным же образом Диномениды приносят эллинам мир благодаря победам над этрусками (битва при Кумах 474 г. — неслучайно тело Тифона простирается вплоть до Кум) и карфагенянами [Fowler, 2022, p. 62]. В то же время и форминга, к которой обращается поэт в начале эпиникия, «укрощает молнию» (ст. 5), усыпляет Зевсова орла (ст. 8) и буйного Ареса (ст. 11–12). Труд поэта в упорядочении мира ничуть не меньше, чем усилия Зевса и Гиерона, и оттого творческая власть Пиндара уравнивается в значимости с верховной властью Зевса и правителя Сиракуз.

Отличительная черта хвалебных од — постоянная рефлексия⁴: Пиндар периодически подчеркивает в эпиникиях свое авторство, напоминает, кто является их создателем, не забывая поведать городу и миру о собственном даровании, ведь поэтическое мастерство ничуть не в меньшей степени, чем атлетическое, — следствие благосклонности богов [Barrett, 2007, p. 56–57; Гаспаров, 1997b, с. 43]. Поэт не упускает случая сказать о собственном избранничестве. По мнению Норвуда, Пиндар — первый литературный критик в европейской поэзии. Он часто говорит о «психологии и профессионализме своего творчества», рассуждает о методах сочинительства [Norwood, 1945, p. 165]. Поэт — это тот, кто умеет «изукрасить малое, выбрав из долгого» (*Pyth.* 9.76–9.77); его строки всегда ко времени и к месту (*Pyth.* 10.4; о концепции «кайроса» см. ниже), лучшая победная песнь — это пчела, перелетающая от цветка к цветку (*Pyth.* 10.53–10.54). Так, в уже упомянутой *Pyth.* 6 Пиндар, прежде чем рассказать о колесничной победе Ксенократа, настаивает на бессрочности своей поэзии:

Ни зимний ливень,
хлынувший, как суровое войско,
из гремящей тучи, ни ветер
не исхлещут ее, не вынесут —
каменистым потоком — в глубь морей.

(*Pyth.* 6.10–6.13)

Для Пиндара сочинение эпиникиев — это еще и соперничество: он, как атлет, должен быть лучшим:

...не отправлю бронзовощекое
копье, сотрясаемое в руке,
за черту состязаний,
но, метнув далеко, превзойду соперников.

(*Pyth.* 1.44–1.45)

Именно поэтому Пиндар противопоставляет эпиникии текстам других поэтов, например поэмам Гомера (*Nem.* 7.20–7.23) и лирике Архилоха («негоже мне (уклонюсь!) других уязвлять страстным злоречьем» — *Pyth.* 2.52–2.53).

⁴ Правда, не всегда можно уверенно определить, говорит ли Пиндар от своего лица или от лица хора или солиста (см.: *Pyth.* 5.77–5.81 и коммент.).

Победа не может быть полной без триумфального возвращения в родной город — Сиракузы, Кирену, Эгину и другие. Однако Пиндар почти всегда выходит за рубежи прославляемого города; пространство победного комоса, «сжатое» до географической точки, разжимается и охватывает самые разные области Греции. Например, в *Pyth.* 1, чествуя Гиерона и недавно основанный город Этну, поэт «простирает» миф о Тифоне вдаль — по горизонтали — от Киликии в Малой Азии до Сицилии, практически от одного пограничья греческого мира к другому. Миф о Тифоне имеет и вертикальные координаты — от узилища Тифона в Тартаре до небесных высот (ст. 15–20). Кроме того, в пространстве греческого мира победы Диноменидов над этрусками при Кумах и над карфагенянами при Гимере сопоставляются с победами греков при Саламине и Платеях [Fowler, 2022, p. 60]. Мифологические врезки позволяют расширить пространственные рамки. Так, в *Pyth.* 9 миф об Аполлоне и Кирене связывает материковую Грецию и отдаленную колонию. Таким образом киренцы, живущие на краю греческой ойкумены, напевают остальным грекам: мы — такие же греки, как вы:

...ее [Кирену],
охотницу-деву, похитив однажды
из теснин Пелиона, где ветер свистит,
длиннокудрый сын Лето умчал
на золотой колеснице и поставил владычицей
над землей, плодами обильной и стадами...

(*Pyth.* 9.4–9.7)

Кирена из теснин фессалийского Пелиона оказывается в Ливии, но умчал Кирену не кто иной, как Аполлон, покровитель Пифийских игр в Дельфах, и это очевидный намек на атлетические победы киренцев.

Постоянная смена перспективы не в последнюю очередь обусловлена использованием атлетических, военных и корабельных метафор применительно к эпиникию. Например, в *Nem.* 5 эпиникий — это стрела, пущенная из лука, пробивающая пространство, и несколькими строками ниже тот же эпиникий назван грузом, плывущим от места, где исполняется ода, во все края Греции (*Nem.* 5.2–5.3; ср.: «Как финикийский товар, эту песню / посылаю через седое море» — *Pyth.* 2.67–2.68; см.: [Calame, 2012,

р. 318]). Поэт сравнивает эпиникий с колесницей, как в *Nem.* 1.7: «Колесница Хромия и Немея торопит меня впрячь величальную песнь в дела победные». Иногда, как в *Pyth.* 3.68–69, поэт сам готов отправиться в путешествие:

Я рассек бы на судне Ионийское море, пришел бы
к источнику Аретузы, к этнейскому гостеприимцу.

Поэт сближает два центральных события хвалебной оды — победу на состязаниях и последующее празднество в родном городе победителя. Он делает все, чтобы в поле эпиникия сократить временную дистанцию между победой и комосом: кажется, что победа произошла только что и победитель едва успел вернуться в родной город. Читатель эпиникия становится свидетелем празднества, он мгновенно попадает в «здесь-и-сейчас» триумфального возвращения атлета в родной город. Хронологическая канва эпиникия тесно связана с концепцией «кайроса». «Кайрос» понимают и переводят по-разному — как «должное время», «должная мера» (см. коммент. к *Pyth.* 9.78). Можно описать «кайрос» как некий момент, острие времени, когда в результате постоянного усилия становится осуществимым некий заложенный в атлете потенциал. Кайрос — это время/мера реализованной амбиции [Maslov, 2012, p. 361] (ср.: *Ol.* 10.53–10.55). «Кайрос» объединяет различные элементы оды: атлет побеждает на состязании, хронологически увязывая атлетическую доблесть (ἀρετή) и благоволение богов; герой, такой как Геракл или Персей, совершает подвиг, прикладывая должную меру своих усилий; поэт вычленяет самое важное в мифе («изукрашивает малое, выбрав из долгого» — *Pyth.* 9.76–9.77) и в итоге создает эпиникий, сравнимый с метко брошенным копьем [Carson, 1982, p. 126].

Усилиями поэта «кайрос» претворяется в обещанную Пиндаром посмертную славу (*Pyth.* 1.92–1.94, 3.110–3.115; *Ol.* 9.91–9.96 и др.; [Currie, 2005, p. 74–75; Steiner, 1986, p. 129]). Поэт выступает как посредник между победителем и его будущим [Maslov, 2012, p. 362]. Если у Гомера залог посмертной славы — воинская доблесть, то в глазах Пиндара в будущее устремлены и атлетические успехи [Currie, 2005, p. 71]. В этой связи неслучайно частое присутствие Геракла: Геракл — герой, которому даровано бессмертие; бессмертие в некотором смысле обретает и атлет

(*Pyth.* 9.87–9.88; *Nem.* 1.69–1.72; *Isthm.* 4.55–4.60 и др.). Бессмертие, обещанное атлету, накладывается на мифологическое время, переплетается с ним. Для Пиндара мифология — это не прошлое, но вневременное, это — второе настоящее время, всегда-настоящее. Например, уже упомянутый миф об Антилохе (*Pyth.* 6), спасающем жизнь Нестора и гибнущем от руки Мемнона, — не только один из эпизодов давно минувшей Троянской войны, но еще и проявление доблести, не имеющее временных границ: этот подвиг повторяется столько раз, сколько о нем рассказывают. Миф, таким образом, является неким наглядным пособием по продлению славы: он — о постоянном, о вечно повторяемом [Burnett, 2008, p. 41], но и победа на состязаниях тоже «повторяется» столько раз, сколько исполняется-читается эпиникий.

4.

Первое печатное издание Пиндара появилось в 1513 г. (издательство Альда Мануция), а вскоре вышел и латинский перевод эпиникиев (1528). Французский перевод публикуется в 1617 г., в 1631 г. Пиндара переводят на итальянский, в 1770–1771 гг. — на немецкий, а в 1798 г. — на испанский [Fowler, 2022, p. 7]. В 1656 г. английский поэт Абрахам Каули (Abraham Cowley, 1618–1667), которого называли «английским Пиндаром» (С. Джонсон, «Жизнь Каули», 1779–1781), публикует «Пиндарические оды». В стихотворении «Resurrection» Каули сравнивает Пиндара с непокорным, упрямым конем, готовым сбросить своего седока («'Tis an unruly and a hard-mouthed Horse»). В предисловии к «Пиндарическим одам» Каули поднимает вопрос о переводе Пиндара; по мысли английского поэта, буквальный перевод Пиндара — это тот самый случай, когда «один немец переводит другого». Поэт, переводчик и теоретик перевода Джон Драйден (1631–1700) вторит Каули: такой буйный и неуправляемый поэт, как Пиндар, не может быть переведен буквально («...so wild and ungovernable poet cannot be translated literally» — «Preface to Ovid's Epistles», 1680). В начале XVIII в. в «Рассуждении о пиндарической оде» (1707) другой английский поэт (и драматург), Уильям Конгрив (1670–1729), вступает в спор с Каули и Драйденом. Конгрив утверждает, что «нет ничего

более упорядоченного, чем Оды Пиндара» («there is nothing more regular than the Odes of Pindar»). По мысли Конгрива, в эпиникиях систематизированы не только поэтический размер и строфика; при множестве отступлений и при внезапности переходов от одной темы к другой в хвалебной оде есть некая «тайная связность» («some secret Connexion»); ср. также: С. Джонсон, «Жизнь Конгрива» («he first taught English writers that Pindar's odes were regular»).

Среди переводов Пиндара особняком стоят опыты великого немецкого поэта Фридриха Гельдерлина (1770–1843). В своем переводе Гельдерлин старается сохранить порядок слов оригинала. Перевод Пиндара — не греческий и не немецкий, а нечто третье, «трансцендентный язык или, лучше, движение в сторону создания такого языка» [Fowler, 2022, p. 37–40]. В русскоязычной традиции последователем Пиндара считается Михаил Ломоносов; его называют «русским Пиндаром», а ломоносовские оды — «стихами падения, обвала» [Пумпянский, 2000, с. 52–54]. Отголоски эпиникиев слышны и в стихах Мандельштама, например в стихотворении «Нашедший подкову. Пиндарический отрывок» [Ковалева, Нестеров, 1995].

* * *

Следует сказать о переводе Пифийских од, представленном в этой книге. Работа с текстами Пиндара похожа на попытку пересечь бурный поток по тоненькой жердочке — вот-вот сорвешься и упадешь в бурлящую воду. Собственно говоря, я не раз барахтался в бурном потоке, преследуя казалось бы иллюзорную цель — передать словесный ряд и образность Пиндара с максимально возможной точностью, так чтобы этот перевод мог соседствовать с подробным филологическим комментарием, поясняющим не только «имена, события, даты», но и образы поэта, а также существующие разночтения (а их — множество) и возможные толкования текста (их тоже немало).

При этом я разделяю скепсис Каули и Драйдена в отношении буквального перевода эпиникиев, да и вообще буквального — в лоб — перевода стихов. Там, где не было возможности переводить Пиндара близко к тексту, или там, где смысл текста неочевиден, я искал альтернативные, «параллельные» смыслы,

не нарушая лирической целостности оды. Например, известные строки *Pyth.* 8.95–8.96 («Однодневки... Что есть кто-то? Что есть никто? Человек — это сон тени») я передаю как «Человек, он зыбок... Что есть он? Что — не он? Только сон тени...» (выбор той или иной трактовки оговаривается в комментариях; см. коммент. к *Pyth.* 8.95–8.96). Мне показалось важным передать «странность» Пиндара не велеречием и строгим соблюдением порядка слов, но внутрисклоновой ритмикой (ориентиром здесь служило стихотворение Мандельштама «Нашедший подкову»), а также проговариванием, воссозданием каждой используемой поэтом метафоры. Это вовсе не значит, что я упростил Пиндара. Моей главной задачей было — дать Пиндару «выговориться», и я сделал все возможное, чтобы даже неподготовленный читатель смог начать знакомство с эпиникиями.

Наиболее полный перечень переводов Пиндара на русский язык представлен в книге [Свиясов, 1998, с. 74–77]. Приведу пример трех вариантов *Pyth.* 1.6–1.8: переводы Вяч. И. Иванова, М.Л. Гаспарова и свою версию. Все тексты следуют оригиналу, но налицо существенная разница в интонации и в лексической работе с текстом и, как следствие, в восприятии каждого перевода.

1. Вячеслав Иванов:

И огнемощный орел / Никнет сонный, / Никнет на Зевсовом скиптре, / Быстрых роняя чету / Крыльев долу, — / Князь пернатых: облак темный / Над изогнутой главой / Вещим пеньем ты пролила, / Облак темный — / Сладкий затвор зеницам зорким...

2. Михаил Гаспаров:

И орел на скипетре Зевса / Дремлет, обессилив два быстрые крыла, / Орел, царь птиц: / На хищную голову его / Пролила ты темную тучу, / Сладкое смежение век...

3. Мой перевод:

...даже орел / спит на скипетре Зевса (ослабли / быстрые крылья по обе стороны), / повелитель птиц, — это ты излила черно- / лицее облако сладким заслоном зора / на кривоклювую голову.

Норвуд, размышляя о переводчиках поэзии, обращается к мифу об Иксионе (ср.: *Pyth.* 2): переводчик поэзии «пытается обнять богиню», но растрчивает ласки на некий фантом [Norwood, 1945, p. 3]. Перевод, как известно, это искусство

потерь. Совершенный переводной текст лежит за пределами человеческих возможностей, хотя встречаются и удивительные прорывы. Можно спорить, какой из приведенных выше переводов лучше передает смысл оригинала, но, на мой взгляд, здесь важно не то, кому достанется венок победителя (в отличие от пиндаровских атлетов меня устроила бы и бронзовая медаль), а то, что именно в силу лексических, ритмических и интонационных различий представленных вариантов появление новых переводов Пиндара необходимо. Смее надеяться, что моя работа и работа моих коллег, принявших участие в создании этой книги, позволит читателю углубиться в эпиникии Пиндара, который больше всего хотел, чтобы интерес к его поэзии не угас: «Ни зимний ливень, / хлынувший, как суровое войско, / из гремящей тучи, ни ветер / не исхлещут ее [хвалебную песнь], не вынесут — / каменистым потоком — в глубь морей, / но в ярком свете дня своим обличем / она объявит победу» (*Pyth.* 6.10–6.16).

В заключение хочу выразить признательность коллегам-античникам, сделавшим появление этой книги возможным, а работу над ней — радостью: Ольге Ахуновой, Сергею Степанцову, Варваре Жаркой, Вере Мостовой и Андрею Можайскому.

Научное издание

Orientalia et Classica
X (LXXXI)

Пиндар

Пифийские оды

Зав. книжной редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *Л.В. Луховицкий*

Художник *В.П. Коршунов*

Компьютерная верстка: *Е.А. Морозова*

Корректор *В.А. Алексеев*

В оформлении обложки использован фрагмент фотографии сцены гонки на колесницах на плече аттической чернофигурной гидрии (https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Chariot_race_Met_L.1999.10.12.jpg)

На форзацах — P.Оху. XXXI 2536

(https://portal.sds.ox.ac.uk/articles/online_resource/P_Оху_XXXI_2536_Нуромнема_of_Theon_on_Pindar_Pythians/21165139?file=37533757)

Все новости издательства — <http://id.hse.ru>

По вопросам закупки книг обращайтесь в отдел реализации

Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15295, 15296, 15297

bookmarket@hse.ru

Подписано в печать 02.12.2024. Формат 60×90/16
Гарнитура PT Serif. Усл. печ. л. 36,0. Уч.-изд. л. 29,6
Тираж 500 экз. Изд. № 2807. Заказ №

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано ООО «Фотоэксперт»

109316, Москва, Волгоградский пр-кт, д. 42